

Вторникъ, 6 июля 1904 г.

№ 177. Годъ четырнадцатый. № 177.

Вторникъ, 6 июля 1904 г.

Условия продажи съ доставкой, в Ростовъ, Грозный и
всѣмъ подписчикамъ:

12 н.—9 р., 11 н.—8 р., 10 н.—7 р., 9 н.—6 р.,
8 н.—5 р., 7 н.—4 р., 6 н.—3 р., 5 н.—2 р., 4 н.—1 р.,
3 н.—1 р., 2 н.—1 р., 1 н.—1 р.

За доставку загранич. нум. добавоч. 50 н. ежемесячно.

Подписка принимается съ 1-го числа.

За доставку загранич. нум. добавоч. 25 н.

За объявленія: за строку, занимающую полтора
или 20 н., на 4-й страницѣ—10 н.

При многократн. печатаніи—скидка по соглашенію.

За редакц. расходы при гоним.—3 р. отъ каждой тысячи.

Самая редакция находится въ Ростовѣ на Дону, на Бол.

Савской улицѣ, въ собств. домѣ.

Контора открыта ежедневно отъ 8 час. утра до 8 ч. вѣ-

чера, въ воскресенье и празднич. дни отъ 10 до 12 ч. дня.

Отдѣльные нумера въ Ростовѣ на Д. и въ отдѣленіяхъ—5 н.

Телефонъ конторы № 210.

ПРИДОВОСНІИ

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ.

Ростовъ на Дону, на Бол. Савской улицѣ, въ собств. домѣ.

Газета для техъ, желающихъ отъ 12 до 2 ч. дня
стать редакторомъ. Принятые статьи, по усмотрѣнію редакціи,
возвращаются извѣщенію и сокращенію. Статьи безъ об-
явленія условія считаются безплатными. Мелкія помѣтки
уничтожаются, статьи сокращаются 1 нумеромъ. Пересылка
рукописей обратно редактору не производится по суббота-
мъ. Гонораръ выдается въ конторѣ по субботамъ
отъ 10 до 1 часа дня. Телефонъ редакціи № 6.

Объявленія для газ. „ПридОВОСНІИ“ съ лица, фирмъ
и учрежденій, размѣщаются въ С.-Петербургѣ, Москвѣ,
Вильнѣ, Ригѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Прибалтийскихъ кра-
яхъ и загранич. принимаются за плату по въ централь-
ной конторѣ объявленій торгового дѣла Л. А. Молчанова
въ Москвѣ, въ дѣлѣ Савой, и въ его филиалѣ въ С.-Пе-
тербургѣ, на В. Морской, № 11, и въ Варшавѣ, Краковѣ
и др. мѣстахъ. По тек. текстъ по 12 н.,
за редакц. текстъ по 25 н. за строку печат. и за доставку
до нум. 10.

ПАМЯТИ ЧЕХОВА.

Последние дни.

Из Баденвейлера телеграфирует: «Чехов жил здесь три недели. Сидел он опираясь и чувствовал себя хорошо. Он был в состоянии предпринять продолжительные поездки и здешний климат действовал прекрасно на его здоровье, но потом, вследствие высоких температур, которая вызывалась прогрессировавшим процессом бурной легкости, питание тела начало падать, весь тон понижался, наступило сильное расстройство кишечника, которое наблюдалось раньше. На днях без видимой причины, появилось ослабление деятельности сердца, поэтому пришлось давать прием наперстянки; в среду сильный припадок сердечной слабости, ему были прописаны большие дозы камфоры, в четверг он чувствовал себя сравнительно хорошо, пульс и аппетит были удовлетворительны. Спал он хорошо до часу ночи, в часть ночи он проснулся от сильного удуса. Несмотря на все энергетические меры, подкожные инъекции камфоры, вдыхание кислорода и проч., Чехов скончался в 3 часа утра без агонии. Он переносил свою тяжелую болезнь, как герой, со стоическим изумительным спокойствием ожидал он смерти. Находясь здесь русский посланник при великогерцогском дворе фон Эйлер тотчас же прибыл в виллу в распоряжения относительно перевозки тела Чехова в Россию. 3 июля состоялось панихида, которую служил русский священник в Карлсруэ — о. Апраксин. 4-го июля, вечером, тело покойного было отправлено через Берлин в Москву, где оно будет предано земле».

Отрывок из последнего письма. Вот выдержка из письма А. П. Чехова, от 12 июня, из курорта Баденвейлера, где он только что тогда устроился. Вот что писал он себе: «Здоровье мое поправляется, ноги не болят, точно и не болят, и аппетитом, остаюсь только охотой от эфиземы и от худобы, приобретённой во время болезни. Лечить меня хороший врач, умный и добрый. Это — х-р Schwögen, жена-

тый на нашей московской Ж—го. Ва-derweiller—очень оригинальный курорт, но в чем его оригинальность, я еще не уяснил себе. Масса зелени, впечатлительные горы, очень тепло, домики и отели, стоящие особняком, в зелени. Я живу в небольшом особняке—пансион с мас-сой солнца (до 7-ми час. вечера) и великолепным садом,—платить 16 мар. в сутки за двоих (комната, обед, ужин, кофе); кормят добро-совестно, даже очень. Но вообще, какая здесь скука вообще. Кстати, сегодня с утра идет дождь, я сижу в комнате и слушаю, как под и над крышей гудит ветер»... А че-рез три недели послѣ этого письма Антона Павловича не стало...

Трогательный момент.

Так недавно чувствовали Чехова в Москве в Художественном театре на первом представлении «Вишневый сад». Это было первое публичное чествование любимого писателя, державшегося всегда в стороне от большой дороги общественной жизни. Все радостно вглядывались в дорогие черты, огромному большинству известных только по портретам. Это был праздник. Это была встреча. Но никто, стоящий за кулисами всегда и везде, никто незримый, которого так чувствовал и давал чувствовать Чехов шептал уже:

— Это прощанье...

И была в этом вихрь радости и торжества какая то струнка печали. Было какое то предчувствие...

— Как он блѣден... как он хрупок...

И весь зал кричал дружным хором:

— Сядьте, сядьте... Пусть Антон Павлович сядет...

Он уступил просьбам и сѣл в большое кресло. И ничего в этом не было особенного, а между тем, это было так трогательно... Чехов, дорогой, нѣжно любимый, сидѣл и улыбался своей скорбной улыбкой...

Чеховская хмури.

Может быть, со времени Гоголя, — замечают «Рус. Вѣд.», — не было в русской литературе писателя, который с подобным талантом изображал бы пошлость современного общества. Но, может быть, также мало было у нас писателей, которые в такой степени были бы подавлены созерцанием этой пошлости, чье настроение так реагировало бы на

перспективы, представляемая современной жизнью. Выступив на литературное поприще в эпоху восьмидесятых годов, Чехов вынужден был бороться с собой, с предшествовавшего общественного возбуждения, созерцал апатию, был свидетелем разочарования и безразличного отношения к тому, что прежде так сильно волновало общество. И эта усталость и разочарование легли в основу тех изображений, которые представил писатель в своей дальнейшей литературной деятельности. Отсутствие сильных влечений, бурных страстей, больше или меньше ясных идеалов в жизни того поколения, которое впервые наблюдал Чехов, отразилось в его очерках и рассказах в сѣрых тонах, вялых чувствах, неопредѣленных исканиях, безцѣльных метаниях. Мелкая чувств, ежедневная пошлость, бессмысленность существования—таковы обычные свойства его персонажей. В первый период деятельности Чехова эта пошлость смѣшила его, но потом она все сильнее и сильнее начала угнетать его, давить своей огромной массой, безжизненностью, отсутствием радостных и отрадных перспектив. В этой обычной мелкой пошлой жизни исчезали высокие помыслы, мельчали и тратились на пустяки силы, появлялись хмурые люди, недовольные, ноющие, но безsilные стряхнуть с себя опутывающую их пошлость. И к этим хмурым людям, больным вследствие отсутствия воли, усталым от отсутствия настоящего дѣла, «лишним» вследствие своей полнѣйшей ненужности, Чехов относился не с злою насмѣшкой, не с словом изобличения и кары, а с болью и состраданіем. Он умѣл и читателю показать, что даже в этой массе пошлости и мелких чувств скрыта не меньшая масса глубокого страдания и несчастий. И показывал это Чехов не «с заранѣе обдуманном намѣреніем», не задавшись мыслью, которую он должен был на примѣрах доказать читателю, а имея в виду только изобразить действительность, как он ее понимал и чувствовал. Он не философствовал, не дѣлал заключений. Он говорил образами и картинками, и потому он был истинным художником, как редки в настоящее время не только в нашей, но и в иностранной литературе. Он оставил яркій слѣд; он имѣл собственную манеру изложения; он оставил массу последова-

телей и подражателей: «чеховское» настроеніе, так же, как «чеховская» манера изложения слѣлалась так обычны в русской литературе. Его влияние можно замѣтить даже на талантливых современных писателях, повидимому, имѣющих так мало общего с ним по своим стремлениям и замыслам.

Он любил людей!

Он любил людей со всеми их недугами, он жалѣл людей, беззастенчиво погрязших в пошлости жизни, людей, впадающих жалкое, безпросветное прозябаніе. Ему было почти незнакомо чувство негодования. В у Чехова не встрѣтите гнѣвнаго сарказма. «То сердце не научится любить», которое устало ненавидѣть—сказал поэт, муза которого была «муза мести и печали». Но Чехову не надо было учиться любить. Любить—это было такое же неизбежное проявление его художественной натуры, как дышать воздухом—неизбѣжное отправление организма. Чехову не было надобности прикрашивать, не было надобности идеализировать, чтобы любить и людей, и жизнь. Напротив, и жизнь, и люди часто ему казались еще сѣрее, еще мельче, еще дальше от всего чистого и прекрасного, чѣм они на самом дѣлѣ. Но это только усиливало его жалость и любовь. Так сестра милосердія еще ласково и внимательно съ тяжело и безнадежно ранеными... Какія нужны были выносить в своей душѣ это Чеховское настроеніе, Чеховскую тоску—про то знал он один. Насъ он приобщал к этим мукам только волшебными чарами поэзии. Стоны его души превращались в музыку слова. Изъ слез, которыми он плакал над бѣдностью и несовершенством жизни, выросли дивные цветы художественного творчества, и муки его сердца превращались для насъ в наслаждение искусством... Много творческих тайн, много великих загадок унесъ он съ собой. Но и того, что он оставил намъ, хватит надолго. Намъ и дѣтям, и внукам нашим и, может быть, дѣтям наших внуков. Ибо в этом хрупком, изможденном безпоощадной болезнью тѣлѣ жила сильная, великая душа. Она сказала въ его творениях, столь глубоких и столь скромных, она сказала въ этих простых словах, в которых так дивно отразилось все несравненное

изящество Чехова, вся его вдумчивая нѣжность его образа. Тихим лѣтним вечером вѣет от поэзии Чехова, блѣдным простором родных полей, скромным запахом полевых цвѣтов и свѣже-вспаханной земли. Скоро дорогие останки смѣшаются с этой родной землей. А мы... Будем плакать и ждать новых цвѣтов...

Только 44 года!

Этот зимой Чехову минуло лишь 44 года... И въ самых послѣдних его произведеніях, сохранивших всю чеховскую красоту и обаяніе, зазвучали какія то новыя ноты. Мысль его, его духъ, переболѣвъ уныніемъ, извѣдавъ мракъ отчаянія и ужасъ безнадежности, освободились от гнета, выбрались на новый, открытый путь, озаренный солнцем надежды, смѣлых упований. Въ тѣсномъ кругу наиболее близких, съ которыми писатель дѣлился самымъ завѣтным, его «Невѣста» была радостно привѣтствована, как первое литературное проявленіе этих новых настроеній, его обновленія. Теперь не будетъ нескромностью сказать это. Занималась какая то заря, неясная, прекрасная, и таяли тѣни. И вдруг, сразу надвинулась ночь. Повѣяла холодом своим и все одѣла непроглядною, черною тьмою.

Нѣсколько лѣтъ назадъ мысль о смерти часто навѣщала Чехова, навязчиво преслѣдовала его. Вспоминается одинъ разговоръ съ Антономъ Павловичемъ, по поводу уступки имъ всѣхъ правъ на изданіе его сочиненій Марксу. Комбинація эта, хотъ и давшая Чехову сразу большую сумму, была въ сущности очень невыгодной для него. Чеховъ это ясно понималъ.

— Я бы никогда и не сдѣлалъ этого. Но тогда я думалъ, что смерть сторожить, что скоро умру. Я боялся, оставъ я изданіе своихъ книгъ въ прежнихъ рукахъ,—послѣ моей смерти ихъ совсѣмъ забросать, перестанутъ издавать раньше, чѣмъ слѣдовало бы перестать меня читать. Да вотъ не умеръ... Зато теперь на этотъ счетъ спокоенъ...

Мрачныя мысли отлетѣли. Хотъ и робкая, точно стѣсняющаяся, застенчивая, свѣтилась въ прищуренныхъ глазахъ мягкая радость жизни... Въ рилось въ жизнь. Точно судьба хотѣла усыпить тревогу и подкраться со своими губительнымъ серпомъ невзначай...

Гдѣ то тамъ, вдалекѣ, въ немилой Чехову «заграницѣ», разыгрался этотъ

послѣдній, роковой моментъ долгой упорной борьбы жизни и смерти за славнаго писателя земли русской, за красу, славу, надежду художественнаго слова, за гордость нашей родины. Въ Чеховѣ и его творчества игралъ многими лучшими лучами своего національнаго генія.

Ключи воспоминаній.

Въ «Рус. Пр.» одинъ изъ сотрудниковъ рассказываетъ:

Чеховъ былъ очень сдержанъ, очень скупъ на вѣннее проявленіе чувствъ. Иногда его хладнокровіе казалось даже преувеличеннымъ. Но за этимъ хладнокровіемъ звучала нотка—искренности и глубокая,—которую, только съ любовью и очень внимательно прислушиваясь къ Чехову, можно было уловить.

Однажды Чеховъ пришелъ ко мнѣ въ то время, когда я писалъ срочный фельетонъ для какой то провинціальной газеты.

— Творите?—пошутилъ онъ.

— Да творю... постылое дѣло.

— О, не говорите!—возразилъ Чеховъ.—Я на своемъ краткомъ вѣку написалъ очень много замѣтокъ, статей, корреспонденцій. Все надо испытать, ничѣмъ пренебрегать нельзя. Разъ хочешь сдѣлаться писателемъ,—первое условіе: пиши, пиши и пиши.

— Да, но не всякому суждено сдѣлаться писателемъ въ настоящемъ смыслѣ слова.

— Но почему же это такъ необходимо сдѣлаться писателемъ «въ настоящемъ смыслѣ слова»?—горячо заговорилъ Чеховъ.—Я получилъ вчера рукопись на прочтеніе и, знаете, что увидѣлъ тамъ съ первыхъ строчекъ. Авторъ цитируетъ мѣсто изъ Щедрина—о высокомъ призваніи писателя и со страстной тоской говоритъ о томъ, какъ и ему хотѣлось бы отдать всю свою душу, всю свою жизнь за то, чтобы достигнуть этого высокаго счастья—сдѣлаться писателемъ. Меня это даже тронуло. Боже мой, какая увлекательность! Какая удивительная увлекательность!

— Но вмѣстѣ съ тѣмъ это странно. Почему надо непременно сдѣлаться писателемъ? Обществу всякія службы нужны. Быть хорошимъ врачомъ, пастухомъ, воиномъ, земледѣльцемъ не менѣе почетно, чѣмъ быть хорошимъ писателемъ.

Какъ врачъ и естествоиспытатель, онъ интересовался первыми проявленіями раскрывающейся природы.

— Ужасно люблю слушать,—говорилъ онъ,—какъ гимназистъ въ пер-

вый разъ въ жизни объясняется въ любви гимназисткѣ: какъ это трогательно!..

Чеховъ самъ былъ молодъ въ то время. Какимъ здоровьемъ, какой уравновѣшенностью, какой серьезностью и добротой дышало его славно студентское лицо! И какъ—тоже въ своемъ родѣ очень трогательно—было его стараніе избѣгать всякой ко-дупольности, всякихъ влѣзаній на пьедесталъ, всякаго подчеркиванія своей писательской славы.

— Сегодня ко мнѣ, какъ къ врачу, обратилась одна театральная хористка,—сказалъ онъ мнѣ какъ то,—и я прописалъ ей рецептъ.

Чеховъ и мнѣ какъ то прописалъ что то «наружное» и, видимо, былъ очень доволенъ.

Эта черта тогдашняго Чехова—за-слонить еще ничѣмъ не заявившимъ себя врачомъ извѣстнаго уже всей читающей Россіи писателя—тоже была, пользуясь выраженіемъ Чехова, очень трогательна.

Послѣ этого прошло 13 лѣтъ. Роковая цифра... Увидѣть опять Чехова мнѣ пришлось въ Художественномъ театрѣ, въ томъ самомъ Художественномъ театрѣ, который былъ зенитомъ его славы.

Но, Боже мой, какая это была печальная встрѣча. Я обомлѣлъ, когда увидѣлъ Чехова. Я зналъ его молодымъ, теперь это былъ старикъ. Я зналъ его цѣлующимъ, теперь это былъ человекъ, приговоренный къ смерти. Я зналъ по газетамъ, что Чеховъ болѣнъ, имѣлъ сѣдѣнія и черезъ знакомыхъ, но контрастъ былъ слишкомъ великъ и впечатлѣніе слишкомъ сильно. Я не могъ говорить отъ охватившаго меня волненія и еле перекинулся съ Чеховымъ парой словъ.

Чеховъ въ Одессѣ.

Приводимъ нѣсколько воспоминаній о недавнемъ пребываніи незабвеннаго писателя въ Одессѣ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ А. П. Чеховъ посѣтилъ Одессу проездомъ въ Ялту. Писатель возвращался изъ Ниццы, гдѣ онъ лечился отъ туберкулеза. Тогда А. П. закончилъ уже свою столь нашумѣвшую пьесу «Три сестры». На вопросъ—писалъ ли онъ еще что нибудь въ тотъ моментъ, А. П.—чѣ отвѣчалъ:

— Заграницей я ничѣмъ болѣе не занимался, ибо меня звала чахотка. Теперь, однако, я чувствую себя гораздо лучше.

Въ Одессѣ Антонъ Павловичъ про-

вѣлъ нѣсколько дней. Городъ ему в

своѣмъ понравился. — Городъ,—замѣтилъ А. П.—чѣ, безъ определенной фizioноміи. Тру-но, впрочемъ, составить себѣ пред-зленіе о городѣ по первымъ впечат-

лѣніямъ. Изъ Одессы А. П. отправился в Ялту, куда онъ ѣздилъ въ сопровож-деніи одного московскаго издателя. Въ Одессѣ его посѣщало много мо-дыхъ людей, чаевыхъ, что онъ кро-етъ у нихъ литературный талантъ. А. П. всѣхъ принималъ, выслуши-валъ, давалъ совѣты. Своимъ при-вѣтливимъ видомъ онъ производилъ прекрасное впечатлѣніе.

А. П. Чеховъ не любилъ газетныхъ «интервью» и, принимая представи-телей печати, охотно дѣлился съ ни-ми своими впечатлѣніями, отвѣчалъ на всякіе вопросы, но просилъ изла-гать это въ газетахъ не въ видѣ лич-ной бесѣды съ нимъ и не указывая источника. Бывали, однако, случаи, когда А. П.—чѣ уступалъ просьбамъ и соглашался на «интервью».

Изъ Одессы онъ поѣхалъ въ Ялту исключительно отдыха ради. Онъ со-бирался одно время ѣхать въ Алжиръ, но измѣнилъ свой планъ и, когда здоровье его значительно пошатну-лось, отправился на югъ Франціи.

Заграничные врачи запретили ему тогда заниматься какой-либо серьез-ной работой, ибо утомленіе, по сло-вамъ покойнаго А. П.—чѣ, очень силь-но отзвѣчалось на его здоровье. На югъ Франціи онъ устроился хорошо жить покойной, тихой жизнью и на-ходился все время подъ наблюденіемъ врачей. Прекрасный климатъ южной Франціи и заботливый уходъ врачей сдѣлали свое дѣло. Здоровье А. П. значительно поправилось. Онъ выг-дѣлъ тогда очень хорошо. Врачи раз-рѣшили ему отправиться въ Россію, на южный берегъ Крыма.

Наша телеграмма

Вчера редакціей «Приаз. Края» бы-ла послана матери покойнаго писате-ля слѣдующая телеграмма.

«Ялта. Евгениі Яковлевнѣ Чеховой. Горьке давнимъ расположеніемъ незамѣнимо дорогаго писателя-земля-ка въ великой печали молимся объ упокоеніи его чистой, много страда-вшей проникновенной души. Да умѣ-рится скорбь матери горячимъ сочув-ствіемъ всей образованной Россіи. Имя вашего сына безсмертно. Редакторъ и сотрудники

«Приазовскаго Края».